

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(57)«1917/1922»

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-191-207>

«...На крови, обновленной кровью, возродится твой род и снова даст великих ханов»: из истории зарождения идеологии праворадикального антибольшевизма на востоке России в 1918 году

© В.В. Журавлев

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия
Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия

Аннотация: Статья посвящена реконструкции биографических вех и идейных воззрений Якова Владимировича Бяшкова – участника антибольшевистского движения на востоке России, яркого и своеобразного контрреволюционного публициста. В мистико-политическом мизанабиме, опубликованном осенью 1918 г., нашел свое выражение комплекс идейных мотивов, характерных для контрреволюционной идеологии и пропаганды: inferнальный образ большевистского врага, критика демократии, отвержение теории прогресса, преклонение перед «мудростью Азии», вождизм и вера в восстановление специфически преображенной монархии. Яркая образность, усложненная структура, повторения и самоцитаты, изложение реалий актуальной политики языком архаического мифа позволяли Бяшкову сделать то, чего невозможно было добиться, используя рациональный дискурс нового времени: реакционные идеи обретали звучание и убедительность. Соединение гностицизма с ницшеанством, совмещение надежд на военную диктатуру с идеей восстановления власти божественного рода правителей представляли собой вполне перспективные для белого движения идеологемы. Бяшков предстает как особая фигура в идеологическом поле белого движения, как автор, искавший метафизические основания контрреволюционного мировоззрения. Релевантные на тот момент, эти фундаментальные идеологемы смогли надолго пережить политический режим, обосновать оформление которого пытался Яков Бяшков.

Ключевые слова: Гражданская война, контрреволюция, белое движение, политические идеи, идеология, монархизм, правый радикализм, Монголия, Л.Г. Корнилов, А.В. Колчак, мистика, мизанабим

Информация о статье: Дата поступления 12 сентября 2019 г.; дата принятия к печати 21 октября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Журавлев В.В. «...На крови, обновленной кровью, возродится твой род и снова даст великих ханов»: из истории зарождения идеологии праворадикального антибольшевизма на востоке России в 1918 году // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 191–207. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-191-207>

“...On the blood recreated by blood, your dynasty will revive and bring great khans again”: From the history of origin of ideology of the Ultra-Right Anti-Bolshevism in the Russian East in 1918

© Vadim V. Zhuravlev

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia
Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Abstract: This article focuses on the reconstruction of biographical milestones and ideas of Yakov Byashkov – member of the anti-Bolshevik movement in Eastern Russia, a brilliant and original counterrevolutionary publicist. In the mystical-political mise en abyme, published in autumn 1918, a complex of ideas was reflected that are typical of counterrevolutionary ideology and propaganda: infernal image of Bolshevik enemy, criticism of democracy, rejection of progressivism, worship of the “wisdom of

Asia”, cult of the leader, and belief in restoration of the transformed monarchy. Bright figurality, complicated structure, repetitions and self-citations, narration of actual political realities in a language of archaic myth allowed Byashkov to achieve the effect that was not possible with the use of rational discourse of the Modernity: reactionary ideas acquired shape and power of conviction. Combination of Gnosticism and Nietzscheanism, joining of hopes for military dictatorship with the idea of restoration of power of divine lineage of rulers were rather advantageous ideologemes for the White movement. Byashkov is represented as an unusual figure in the ideological field of the “White” movement, the author looking for metaphysical foundations of counterrevolutionary mindset. These foundations, which were relevant at the moment, managed to outlast the political regime that Byashkov tried to justify with his texts.

Keywords: Civil War, counterrevolution, “White” movement, political ideas, ideology, monarchism, right wing radicalism, Mongolia, L.G. Kornilov, A.V. Kolchak, mysticism, mise en abyme

Article info: Received September 12, 2019; accepted for publication October 21, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Zhuravlev V.V. (2019) “...On the blood recreated by blood, your dynasty will revive and bring great khans again”: From the history of origin of ideology of the Ultra-Right Anti-Bolshevism in the Russian East in 1918. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 191–207. (In Russ.) <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-191-207>

Реализация тезиса о том, что Гражданскую войну в России 1917–1922 годов продуктивно рассматривать как идеологический конфликт, десятилетие за десятилетием сталкивается с препятствием в виде недостаточной изученности политического мышления, свойственного противникам большевиков.

Само понятие «идеология», как и его производные, было порождено осмыслением опыта Просвещения и Французской революции. Его судьба в исторической науке оказалась парадоксальной: пользуясь колоссальной популярностью, будучи сверхвостребованным, одновременно с этим оно непрерывно подвергалось жесткой критике, вызывало настойчивые попытки уточнения, ревизии и переопределения (Зорин, 2001. С. 9–10). Наконец, в ситуации провозглашенного «конца идеологий», разнообразные идеологические системы стали значительно меньше искать (и реже находить) и в историческом прошлом. Однако как стихии общественных «политических языков», так и организованные конструкции разнообразных «политических литератур» по-прежнему сохраняют статус актуальных проблем исторического познания. Такие вехи историографического процесса как история понятий, история дискурса, концептосферы политического воображения и культурного трансфера демонстрируют исследователям политических идеологий направление поиска методо-

логического Эльдорадо: это пространство широко понимаемой филологии.

Лингвистика политического языка, риторика политического высказывания, фольклористика политического мифа и ритуала, наконец – литературоведение политической литературы – вот оптики, использование которых адекватно насущным задачам исторического исследования политических идеологий сегодня. К изучению идеологических практик антибольшевистского движения в российской гражданской войне это относится в полной мере.

Еще в далеком 1980 году Питер Кенез сетовал на то, что «историки объяснили мысли и мотивы белых намного меньше, чем умонастроения красных» (Кенез, 1980; рус. публ.: Кенез, 1994) (и спустя сорок лет это утверждение по-прежнему справедливо). В исторической, а не историографической оптике взгляделся в проблему Пол Робинсон, когда высказал утверждение, что для белых был сущностно свойственен «приоритет „дела“ над „словом“» (Робинсон, 2002. С. 186–198). Опираясь на совершенно иные основания, В.П. Булдаков недавно высказал сомнение в том, «что противники большевиков вообще обладали хотя бы подобием агрегированной аксиологичности» (Булдаков)¹.

¹ Булдаков В.П. Отклик на 4-й номер журнала «Российская история» (2018 год) // Российская история [Электронный ресурс]. URL: <http://российская-история.рф>

Перед нами три ортогональные плоскости, в целом описывающие своего рода негативный универсум невозможности изучения идеологии белого движения. Белые *не хотели* политически мыслить («пространство Робинсона»), белые *не могли* делать это («пространство Булдакова»), и обе эти причины *не позволили* историкам изучать политическое мышление белых («пространство Кенеза»).

Правда, в названиях ряда работ, посвященных контрреволюционному лагерю, содержится термин «идеология». Антибольшевистские идеологические течения периода Гражданской войны на востоке России рассматривались, как правило, в ракурсе массовой пропаганды. Она и была приоритетным предметом исследования, прежде всего, в организационном и, несколько менее, в содержательном отношении. Конкретных фигур творцов и трансляторов политических смыслов и значений, «идеологов» (в той или иной трактовке данного термина) изучено совсем немного. Имена А.В. Адрианова (1854–1920) (Крюков, 2004; Шиловский, 2007; Ларьков, 2013; Шереметьева, 2015; Серебренникова, 2017), И.И. Аносова (1880–1934) (Юшников, 2014), В.А. Жардецкого (1884–1920) (Хандорин, 2010), В.А. Рязановского (1884–1968) (Хисамутдинов, 2003; Амосов, 2003; Побединский, Остроух, 2011; 130 лет..., 2014; Журавлев, 2014), Р.Ф. Унгерн-Штернберга (1885–1921) (Юзефович, 1993; Белов, 2003; Кузьмин, 2011; Юзефович, 2019), Н.В. Устрялова (1890–1937) (Агурский, 1980; Устрялов, 1991; Агурский, 2003; Романовский, 2006; Романовский, 2007²; Лысенко, 2007³; Козлов, 2008⁴; Романовский, 2010; Романовский, 2015; Романовский, 2019) практически исчерпывают этот список.

история.рф/forum/buldakov (дата обращения 11.10.2019).

² Романовский В.К. Николай Васильевич Устрялов: деятельность и эволюция идейно-политических воззрений (1890–1937 гг.): автореф. дисс. ... д-р ист. наук. Нижний Новгород, 2007. 53 с.

³ Лысенко Е.А. История идеологии национал-большевизма Н.В. Устрялова (1900-е гг. – 1925 г.): автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 23 с.

⁴ Козлов А.В. Национал-большевизм Н.В. Устрялова: истоки, сущность, эволюция: автореф. ... канд. ист. наук. М., 2008. 18 с.

Все эти персонажи были в той или иной степени известны исследователям истории Гражданской войны еще в советский период, что и послужило благоприятным фундаментом для изучения их деятельности в постсоветские десятилетия. Настоящая статья представляет собой попытку рассмотреть в рамках истории политической идеологии восточно-российской контрреволюции фигуру доселе совершенно неизвестную – Якова Владимировича Бяшкова.

* * *

14 сентября по григорианскому календарю (1 сентября по юлианскому) 1918 года, в № 19 владивостокской газеты «Приморская жизнь» увидела свет публикация, озаглавленная «Сказки Баира» и подписанная «Я. Бяшков». Это был первый из серии текстов, принадлежащих данному автору и опубликованных на страницах «Приморской жизни» осенью 1918 г.

Спустя десять недель, 24 ноября (11 ноября) 1918 года, в № 76 той же газеты был опубликован текст «Предсказание», восьмая и последняя из известных нам на данный момент газетных публикаций, атрибутируемых Я.В. Бяшкову.

К сожалению, на основании известных нам неполных комплектов и отдельных экземпляров «Приморской жизни» восстановить непрерывную последовательность всех выпусков данного периодического издания за 1918–1919 годы не удалось. С высокой степенью вероятности можно предположить, что многие номера газеты не сохранились в принципе и, соответственно, полная совокупность публикаций Я.В. Бяшкова в «Приморской жизни» никогда не будет доступна исследовательскому вниманию.

Неполнота источника, с одной стороны, создает определенные препоны на пути его изучения и осмысления, но отнюдь не делает их ни невозможными, ни безнадежными. «Недостаток можно восполнить или даже превратить в нечто положительное, если выдвинуть на первый план понимание» (Нольте, 2001. С. 6). Фрагментированность материала может быть скомпенсирована усиленным вниманием к историческому контексту и бо-

лее интенсивной внутренней герменевтикой текста.

* * *

Яков Владимирович Бяшков родился около 1896 г. в семье крупного психиатра Владимира Яковлевича Бяшкова (1854–1921) (Симонович-Ефимова, 1964. С. 176) и его супруги Варвары Яковлевны, урожденной Симонович (1867?–1922) (Симонович-Ефимова, 1964. С. 52), представительницы известной интеллигентской династии. В 1913 году он окончил смоленскую частную мужскую гимназию Н.П. Евневича (Смоленская...) ⁵.

Сохранилось письмо к В.М. Бяшкову его свояка С.К. Львова, написанное между 6 и 16 января 1914 г. Зимой 1913–1914 гг. С.К. Львов, постоянно проживавший во Франции, приезжал в Россию и, заболев, остановился в Домотканово, имении другого своего родственника, В.Д. фон Дервиза. Бяшковы также в эти дни гостили в Домотканово и, судя по всему, заботливо поддерживали захворавшего родственника. Письмо завершается полужутливым пожеланием: «Желаю вашему дипломату сделаться посланником в Монголии» (ГАРФ. Ф. ДП-102, ОО, 1914 г., Д. 20. Ч. 77. Лит. Б. Л. 2). Речь идет о Якове Бяшкове. Видимо, дядя и племянник достаточно общались во время этого визита, и бывший гимназист, как это часто бывает, охотно делился с приехавшим издалека не слишком знакомым взрослым человеком своими увлечениями и планами на жизнь. Судя по вышеприведенной фразе, в центре этих планов уже была размещена Монголия.

Для русской образованной публики 1911–1913 годы были временем «открытия Монголии». В частности, российская пресса уделяла немалое внимание дипломатическим коллизиям треугольника Россия – Монголия – Китай (Дудин, 2011; Батунаев, 2015; Базаров, 2015; Базаров, 2017).

⁵ Смоленская частная мужская гимназия Н.П. Евневич, г. Смоленск, списки выпускников // Генеалогический форум ВГД [Электронный ресурс]. URL: <https://forum.vgd.ru/1408/67434> (дата обращения 1.10.2019).

Действительно, летом 1914 г., восемнадцатилетний выпускник гимназии на самом деле оказался в Урге, где занимался собиранием коллекций монгольской фауны и флоры (Отчет..., 1915. С. 93⁶; Грубов, 1955. С. 17). В следующем, 1915 году Я.В. Бяшков вновь посещает Монголию, собрав еще более представительную зоологическую коллекцию (Отчет..., 1916. С. 92)⁷.

В сентябре 1915 г. Я. Бяшков, уже достаточно опытный путешественник, поступил на факультет восточных языков Императорского Петроградского университета, на монгольское отделение. 15 февраля 1916 г. приват-доцент кафедры монгольской и калмыцкой словесности Б.Я. Владимирцов писал из Петрограда в Ургу русскому колонисту в Монголии А.В. Бурдукову: «Студенты у меня отличные, на первом курсе всего два, но зато занимаются отлично; один из них, Бяшков, поедет вероятно этим летом в Монголию, его, кажется удастся пристроить при Козиновской партии для исследования Монголии. Работать ему придется в Гоби, на юг от Улясутая, впрочем, это еще не решено» (Бурдуков, 1969. С. 350).

С.А. Козин, о котором шла речь в этом письме, – это командированный в 1914 г. российским правительством в Монголию чиновник, назначенный русским советником при правительстве богдохана, впоследствии – крупнейший отечественный монголовед, исследователь эпоса, фольклора и духовной жизни монгольских народов. В 1915 году С.А. Козин организовал специальную Экспедицию для исследования Монголии в экономическом отношении. Возглавлял экспедицию помощник русского советника П.А. Витте. Экспедиция продолжила свою деятельность и в 1916 году, производя «естественно-историческое, географическое и статистическо-экономическое обследование страны»

⁶ Отчет по Зоологическому музею Императорской академии наук за 1914 год. Составлен директором музея академиком Н.В. Насоновым // Ежегодник Зоологического музея академии наук. 1915. Т. 20. № 2. 243 с.

⁷ Отчет по Зоологическому музею Императорской академии наук за 1915 год. Составлен директором музея академиком Н.В. Насоновым // Ежегодник Зоологического музея академии наук. 1916. Т. 21. № 2–3. 275 с.

(Майский, 1921. С. 280–281)⁸. В работах именно этой экспедиции принял участие Я.В. Бяшков летом 1916 г. В письме Бурдукову от 2 сентября 1916 г. Владимирцов упоминает «нашего студента Бяшкова, находящегося теперь в Монголии в Козиновской экспедиции» (Бурдуков, 1969. С. 352).

Интересы Бяшкова смещаются от естественных для выходца из врачебной семьи природоведческих сюжетов к исследованию религии и исторического прошлого монголов. В Государственном Эрмитаже хранится археологическая коллекция, происходящая из монастыря Сарьдаг, бывшего резиденцией богдо-гэгэна Дзанабадзара (1635–1723). Артефакты коллекции датируются XVII веком и представляют собой фрагменты культовой буддийской скульптуры, черепицу, керамику и архитектурные фрагменты, которые были собраны в развалинах монастыря у истоков реки Толы (Туул) (рис. 1). В инвентарной книге Государственного Эрмитажа они числятся как «коллекция Бяшкова», и указано, что она была собрана и поступила в 1916 г. (Елихина, 2019. С. 65–66, 68).

О дальнейшем мы можем судить из мемуарной информации, сообщаемой самим Бяшковым в его публикациях в «Приморской жизни». Если этим сведениям можно доверять, то осень 1917 г. застала его на Западном фронте в районе Сморгони в составе 132-й пехотной дивизии в качестве «ротного командира» в чине прапорщика. Он был свидетелем и участником событий 2 октября 1917 г. (Муратов, 1958. С. 126), когда на станции Залесье командир запасного батальона данной дивизии подполковник Макаревич был убит толпой его взбунтовавшихся солдат (Приморская жизнь. 1918. № 29. 27 сентября).

В начале октября он выехал в отпуск в Петроград. Принимал участие в подготовке к выборам во Всероссийское учредительное собрание в составе василеостровской районной кадетской партийной организации. Общался с академиком С.Ф. Ольден-

⁸ Майский И.М. Современная Монголия (Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского центрального союза потребительных обществ «Центросоюз»). Иркутск, Государственное издательство, Иркутск. отд. 1921. 332 с.

Рис. 1. Фрагмент архитектурного украшения с изображением локального божества из развалин монастыря в истоках р. Толы, найденный Я.В. Бяшковым в 1916 г. (Опубликовано: Елихина, 2019. С. 172). «Под развалинами храмов лежали разбитые статуи – бывшие боги. Бронзовые, терракотовые, безрукие, безногие, лежали они, одни только говорившие о былой жизни, о былых духах» (Приморская жизнь. 1918. 25 сентября. Среда. № 27).

Fig. 1. A fragment of architectural decoration depicting a local deity from the ruins of a monastery at the head of the river Tola, found by Ya.V. Byashkov in 1916 (Published: Elikhina, 2019. S. 172)

бургом, профессором А.Д. Рудневым. Находился в Петрограде 25 октября 1917 г., затем выезжал, по поручению районного партийного комитета, в Царское Село с целью проверки слухов о «выступлении Керенского – Краснова». Убедившись в провале «гатчинского мятежа», в середине ноября 1917 г. Бяшков вернулся в действующую армию (Приморская жизнь. 1918. № 32. 2 октября).

По состоянию на 12 февраля 1919 г. Я.В. Бяшков в чине прапорщика служил в должности младшего офицера отдельной сотни конвоя верховного

уполномоченного Российского правительства на Дальнем Востоке генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата во Владивостоке. Через месяц охрана Д.Л. Хорвата была реорганизована, и с 15 марта Я.В. Бяшков занял должность наблюдателя отряда личной охраны верховного уполномоченного (ГАРФ. Именной каталог по истории белого движения).

Последнее имеющееся свидетельство о Якове Владимировиче Бяшкове относится к 26 сентября 1919 г., когда он упомянут как прапорщик 2-го Барабинского Сибирского стрелкового полка (Там же).

В сентябре 1919 г. эта часть в составе 1-й Сибирской стрелковой дивизии вела бои на линии фронта между Тюменью и Ишимом. Полк, как и другие воинские подразделения на этом направлении, понес тяжелые потери, в том числе от тифа, в ноябре был отведен в тыл в Новониколаевск, где 7 декабря 1919 г. принял участие в антиколчаковском мятеже полковника А.В. Ивакина (Симонов, 2013). Весьма вероятно, что в ходе событий октября – декабря 1919 г. Яков Владимирович Бяшков погиб. По крайней мере, никаких свидетельств о нем более нам обнаружить не удалось.

* * *

Теперь мы можем обратиться к публикациям в газете «Приморская жизнь».

Газета «Приморская жизнь», закрытая большевистскими властями в феврале 1918 г. (Крушанов, 1983. С. 187), возобновила выход 7 августа (25 июля ст. ст.) 1918 г., немного более чем через месяц после свержения во Владивостоке советской власти. Издание характеризовало себя как «орган независимой демократической мысли» и «газету ежедневную внепартийную, посвященную интересам русского Д[альнего] В[остока] и жизни сопредельных с нами стран». Печаталась в типографии Восточного института, арендованной товариществом «Трудовая печать» (Несоветские газеты..., 2002. С. 97)⁹. Редактором ее был прапорщик

К.К. Андрущенко, выпускник китайско-монгольского отделения Восточного института (Зеленый Клин, 2011. С. 33–34)¹⁰. Газета занимала позицию на правом фланге восточно-русского антибольшевизма, при общем умеренно-правом тоне, на ее страницах встречаются и материалы, которые можно определить как проявление праворадикальных тенденций. К числу именно таких могут быть отнесены и публикации Я.В. Бяшкова.

На настоящий момент нам известно восемь опубликованных в ней текстов Я.В. Бяшкова. Пять из них увидели свет в сентябре (14, 18, 21, 25 и 27 сентября), один – 2 октября, и два – в ноябре (23 и 24 числа) 1918 г. В диапазоне трех недель между 14 сентября и 2 октября публикации выходили с надежной регулярностью – два раза в неделю, по средам и субботам (один раз в пятницу). Если бы, гипотетически, подобный ритм сохранялся, то до воскресенья 24 ноября, когда был опубликован последний из известных текстов, должны были появиться в печати еще 15 текстов – восемь в октябре и семь в ноябре. Однако среди девяти сохранившихся номеров газеты за октябрь (включая четыре номера за среды, пятницы и субботы) и десяти номеров за ноябрь (включая шесть номеров за среды, пятницы и субботы) бяшковская публикация имеется всего одна – в субботу, 23 ноября. Следовательно, отсутствующих текстов было значительно меньше, но мы можем определенно утверждать существование как минимум еще одного: текст от 23 ноября содержит в себе положения, подразумевающие наличие некоего предшествующего текста.

Повествование Якова Бяшкова имеет сложную, даже изощренную, но при этом жестко подчиненную определенным целям архитектуру и сюжетную структуру. Оно, безусловно, может рассматриваться как единое нарративное целое (рис. 2). Перед нами своеобразный «шкатулочный роман», мизанабим, в чем-то подобный «Рукописи, найденной в Сарагосе» Я. Потоцкого или «Герою нашего времени» М. Лермонтова.

⁹ Несоветские газеты (1918–1922 гг.). Каталог собрания Российской национальной библиотеки / науч. ред. Г.В. Михеева; ответ. сост. И.А. Снигирева. СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2002. 168 с.

¹⁰ Зеленый Клин. Энциклопедичний довідник / укл. В.А. Чорномаз. Владивосток: Вид-во Далекосх. федерал. ун-ту, 2011. 288 с. (На укр. яз.)

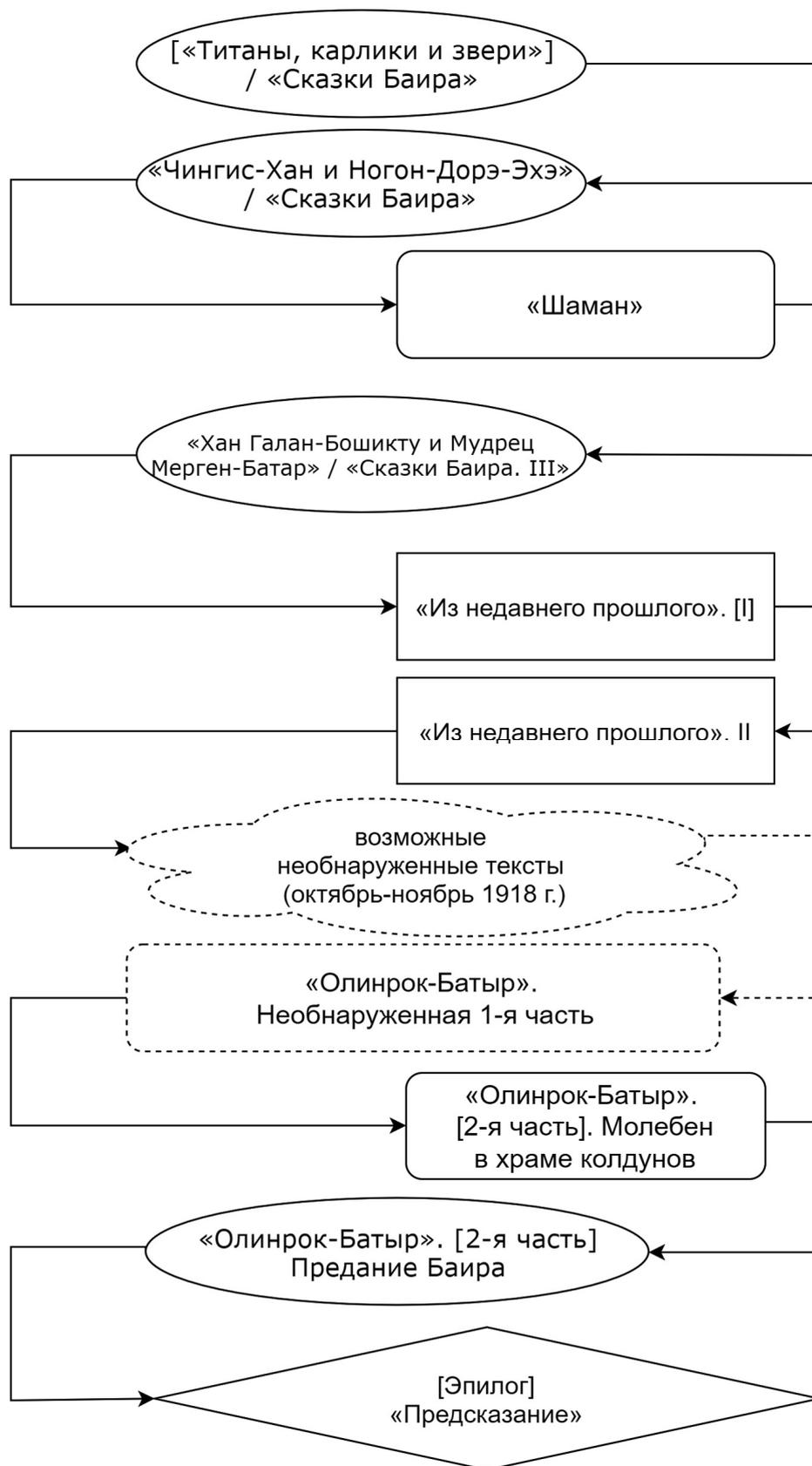

Рис. 2. Структура повествования Я.В. Бяшкова.
Fig. 2. The structure of narrative made by Ya.V. Byashkov.

Первая новелла имела только общее заглавие «Сказки Баира» (Приморская жизнь. 1918. № 19. 14 сентября). Повествование начинается с лаконичного вступления, представляющего «старика Баира», важного, но не главного героя повествования: «Много лет назад, во время скитаний по бесконечным степям Монголии мне попался старик-певец, знавший лучшие песни своей родины...». Затем приводится типичное оправдание маскируемого авторства: «К сожалению, под руками нет рукописей, и я принужден восстанавливать их по памяти».

Далее следует текст «старой песни, хорошей песни».

В зачине говорится: «Давно это было, даже наши деды не помнят <...>. В конце хорошего времени и в начале плохого, вот когда это было». В первоначальное, счастливое время земля была населена титанами, «сильными телом, сильными духом». В уста монгола-рассказчика Бяшков без смущения вкладывает следующую формулировку мудрости титанов (исполненную вполне в духе Анри Бергсона): «Выше чувств объекты, выше объектов дух, выше духа разум, а великое Я выше разума».

Потомки титанов измельчали и развязали «кошмарную войну карликов». «На запахах горячей крови» явились звери, которые стали разрывать павших или ослабевших бойцов. В это время жили три последние титана. Они пришли на помощь «измельчавшим собратям».

Сперва выступил младший титан. Он бросился в битву и стал поражать зверей. «Слепые от злобы карлики не могли поддержать его; они вертелись около его ног, визжали, затевали свои мелкие междоусобные войны. В конце концов, Титан споткнулся о них и упал».

Второй титан, видя судьбу брата, «не встал в ряды борцов, а перешел к зверям и стал спасать тех, кто попадал к ним на зубы <...> Израненный, истекающий кровью оставил он свое дело и пришел к тем, кого защищал, прося перевязать раны». Карлики обвинили его в том, что он «пришел от врагов», и задушили. «Кровью побежали реки, земля стонала от диких воплей».

Третий титан пришел, призывая карликов: «Во имя спасения идите под мои знамена! Я вас приведу к победе!», был обвинен в стремлении к власти и тоже убит. Карлики праздновали победу над титанами. «И настало царство зверей».

Легенда завершается пророчеством: «Но Судьба справедлива и неуклонна: придет конец звериному царству, и снова придут великие Титаны».

Перед читателем автор разворачивает типичную вариацию этимологического мифа о войне карликов и великанов, причем его сюжет скорее всего имеет не монгольское, а западноевропейское литературное происхождение. Вероятнее всего прототипом здесь служит легенда о великанах, медведях и карликах из 12-й главы поэмы Генриха Гейне «Атта Троль». В ней идет речь о войне великанов со зверями, о гибели великанов, и приводится пророчество об уничтожении человечества карликами. Причем последние символизируют «измельчание человеческого рода и растущую силу золота» (Гейне, 1978. С. 43–44, 150). Как это часто бывает, Бяшков и следовал за своим предшественником, и полемизировал с ним. Великаны у него названы древнегреческим термином «титаны», явно для ассоциации с устойчивым выражением «титаны духа». Более того, слово «титан» и даже прилагательное «титанические» употребляются с прописной буквы.

Актуально-политическое содержание выступало в этой новелле рука об руку с социальной онтологией. Читатель того времени узнавал в описании «кошмарной войны карликов» Первую мировую войну. Карлики здесь – это отчасти европейское, но, прежде всего, русское, общество, описываемое как социальный тип обывателей, бюргеров, мещан, «мелких буржуа». Звери – воплощение стихии жестокости войны, разбуженные войной силы социального хаоса, а если конкретно, – большевизированные массы. Титаны – русская элита, прежде всего, офицерство. Образ первого титана воплощает добровольцев начала войны, погибших в 1914–1915 гг. Второго – скорее всего, работников Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам и других общественных органи-

заций, которые занимались устройством госпиталей, санитарных поездов, отправкой на фронт военно-врачебно-питательных отрядов, закупкой медикаментов и, тем не менее отнюдь не вызвали широких симпатий. Образ третьего титана – это образ «ударников», участников летнего наступления 1917 г. и корниловского мятежа.

Одновременно, на более общем плане, за этими аллегориями проявляется гностическое по своей мировоззренческой основе разделение человечества на три «породы» людей: на имеющих право на власть пневматиков (людей духа), слабых и обуреваемых эмоциями психиков (людей души), и живущих лишь чревом гликов (людей тела). Скорее всего, совершенно неслучайно в зачатке легенды использован столь важный для гностической традиции мотив «искр»: «это было... когда небесные звезды были искрами...». Гностический и ницшеанский субстраты проявляются и в концепции времени данного текста: золотой век («хорошее время»), сменяющий его железный («плохое время»), обещанное возвращение титанов.

Вторая новелла – «Чингис-Хан и Ногон-Дора-Эхэ» (Приморская жизнь. 1918. № 22. 18 сентября.), значительно ближе к монгольскому эпосу и, возможно, действительно имеет в качестве переработанной основы запись реального эпического сказания. Текст носит ярко-орнаментальный характер, с многочисленными эпическими формулами, ритмическими повторениями и т. д.

Песнь Баира предваряется лирико-элегическим описанием осенней монгольской природы: «Сегодня наш лагерь разбили на высоком берегу соленого озера. Кажется, что вы вдруг, неожиданно для самого себя, очутились за Летой; все мертво. <...> И, кажется, сама сказка разлилась кругом. А Баир так хорошо рассказывает их! Так хорошо поет он древние песни под аккомпанемент своей звонкой хуры! Ее высокий голос стонет и плачет, вспоминая и прежних героев, и прошедшее лето...».

Сюжет этой части построен на широко известном мотиве чудесного брака. Чингис отправляется на охоту и преследует лань с золотой шерстью. Лань оказывается богиней Ногон-Дора-Эхэ (Зеленая Тара ламаистского пантеона). От их брака рож-

дается чудесный сын. Чингис-Хан радуется, пирует и наставляет сына, «как надо жить и как управлять государством». Затем он повелевает созвать «лучших шаманов мира» и, в результате, получает авторитетное пророчество: «Род твоего сына будет великий род, он будет царствовать над самым большим государством мира. Много даст он великих Ханов <...>. Пройдут года, пройдут века, сменился много Ханов, и станут забывать твои заветы. Забудут даже великое происхождение своего рода, забудут язык свой, и род будет мельчать. Наконец появится, смиренный тобой, твой злейший враг – Шара Мангас, победит Хана и станет повелевать им – твоим потомком. Народ взбунтуется и прольется кровь. Много прольется крови – пока не вспомнятся твои заветы и на крови, обновленной кровью, возродится твой род и снова даст великих Ханов – отражение твоего духа...».

После мифологической экспозиции первой части, вторая часть выполняет роль завязки. Не в космогоническом безымянном мире «титанического» пролога, а в эпическом основании истории зарождается зерно конфликта. Мир Чингиса – это мир божественной гармонии, мир удачной охоты, свадьбы, рождения и праздника, мир мудрости и божественных благодеяний. Однако завершается он мрачной тенью шаманского пророчества. Из него читатель узнает, что, во-первых, у Чингиса был враг, Шара Мангас, которого тот «смирил», чем, видимо, и было обеспечено благое состояние. Далее совершается важнейшая идентификационная операция: род Чингиса отождествляется с родом русских правителей. Перед нами смелая идеологическая инновация. Еще раз напомним, что это написано осенью 1918 г. и до оформления ключевых историософских положений мировоззрения евразийцев еще достаточно далеко.

Затем описываются два взаимосвязанных процесса деградации мира: «забвение заветов» и уже знакомое по «титаномахии» первой новеллы «измельчание», в данном случае – божественного рода правителей. Шара Мангас, повелевающий Ханом, – это, конечно же, отражение образа Распутина («темные силы»), повелевающего Николаем II (Колоницкий, 2010. С. 537).

Наконец, опять присутствует пророчество о возвращении к прежнему благому состоянию: «возродится твой род». Но возродиться он может только «на крови, обновленной кровью» и на основе реставрированных «заветов» Чингиса.

Третья новелла (Приморская жизнь. 1918. № 25. 21 сентября) занимает особое место в архитектонике бяшковского повествования, это своего рода интерлюдия. Последнее подтверждается тем, что следующая публикация, четвертая по порядку, будет снабжена номером «III». Название лаконично и состоит из одного слова («Шаман»), сам текст разделен на две неравные части: набранное мелким кеглем предуведомление от автора, подписанное литерами «Я. Б.», и основная часть, представляющая собой якобы текст письма некоего У.

Достаточно очевидно, что Бяшков рисует портрет этого персонажа с самого себя. У., как и реальный Бяшков, путешествует по Монголии, затем его ждут «школа прапорщиков», «фронт, революция, керенщина». Все совпадает, возможно, только на фронте У. оказывается примерно на год раньше Бяшкова. Как и Бяшков, У. находится в столице 25 октября 1917 г., с одним существенным отличием: «молодой ученый, подававший такие большие надежды, погиб в Петрограде, пав с разможенной головой при защите Зимнего дворца в октябре прошлого года». Быть может, в этом мотиве сквозит определенный самоупрек автора?

Затем следует само «письмо мертвеца». Начинается оно, как и предшествующие бяшковские тексты, с описания природы, правда, на сей раз развернутого и сюжетного: описывается паводок и конь, преодолевающий бурно разлившуюся реку. Далее следует рассказ о шамане, которого У. пригласил для камлания, говорится, что он – потомок урянхайских шаманов, «вызванных с Алтая самим Богдо Чингис-Ханом». Это прямая отсылка к предыдущему тексту, где Баир рассказывал, как Чингис созвал со всех концов земли лучших шаманов.

Далее следует рассуждение самого У., сообщающего читателю, что после нижеописанного происшествия он разуверился в способности шаманов видеть будущее. В противовес этому описывается страх попутчиков, людей образованных

(«два инженера с соседних приисков»), не желающих присутствовать при ритуале.

Во время камлания происходит мистический «сбой»: в шамана вселяется не призываемый «добрый дух», а упоминавшийся в предыдущем тексте Шара-Мангас. Он представляется и сообщает, что его, которого ранее «смирил Чингис-Хан», теперь освободила «слабость Белого царя» (еще раз напоминая читателю одну из ключевых «евразийских» идей своего повествования: утверждение о том, что род Романовых восходит к Чингису).

После этого начинается очередное пророчество. Мангас предсказывает скорую смерть У., впрочем, утешая его тем, что «за это поставят тебе лучшие люди потом памятники, и имя твое не умрет в сердцах и памяти честных людей». Он описывает катастрофическую картину будущего: «Твоя Родина потеряет в то время свое величие и имя русского будет неприятно. Война, гигантская война разразится над миром и прольется крови два больших озера. Измена и предательство возведутся в добродетель. Любовь к Родине и к ближним станет преступлением. Лучшие люди поведут народ к победе и славе и за это будут убиты и заслужат кличку предателей». Несомненно, эти слова находили отзвук в душах патриотично настроенных военных.

Пророчество завершается следующим описанием: «Оставшаяся кучка отовсюду гонимых, верных сынов Родины соберется на благодатном Юге, но те, ради которых они страдают, нападут и разобьют их». Это несомненная аллегорическая отсылка к корниловскому Ледяному походу.

Следующая, четвертая новелла (Приморская жизнь. 1918. № 27. 25 сентября) – «эпос» об исчезнувшем племени Номтэ, вроде бы не содержит пророчеств. Это псевдоэпическая ретроспекция, рисующая траекторию от величия некоего древнего народа, через одержимость духами безумия, к порабощению и исчезновению. В основе рассказа – широко распространенный так называемый «чуждской» мотив аборигенов местности, уступающих место новому народу и оставляющих следы в виде городищ, курганов, развалин или иных следов своего существования (Криничная, 1991. С. 278–294). Этот мотив использован Бяшковым как материал

для описания невыносимой для патриотического чувства ситуации иностранной военной интервенции. Характерно, что Мерген-Батор, alter ego автора, ходатай за покоренный народ, лишь униженно взывает к иноземному поработителю: «Дай нам стать самими собой и самим быть хозяевами в своей стране!». Угроза возможного прекращения исторического бытия русского народа под чужеземной властью воспринимается во Владивостоке осени 1918 г. слишком остро, автор относит ее в прошлое, как урок и предупреждение.

Очередные две новеллы имеют общее название «Из недавнего прошлого» (в противовес прошлому давнему, «много лет тому назад...» первой новеллы), с подзаголовком «Записки офицера». Это сугубо реалистические повествования, рассказывающие о двух эпизодах из жизни автора. Первый (Приморская жизнь. 1918. № 29. 27 сентября) – об убийстве в начале октября 1917 г. толпой взбунтовавшихся солдат их командира. Второй (Приморская жизнь. 1918. № 32. 2 октября) – об обстановке в Петрограде накануне и сразу после 25 октября 1917 г. Эти тексты посвящены «образу врага». В первой части рисуется образ большевизма, воспринимаемого как толпа убийц, как «звери» бяшковской «титаномахии». Часть вторая посвящена другому, столь же отталкивающему для автора образу – образу бессильной, имитационно сопротивляющейся большевизму «демократии». Казалось бы, эти «мемораты» выпадают из мифопоэтической стилистики повествования. Однако это не так. Именно благодаря им текст Бяшкова не превращается в символистскую, мифологизаторскую «игру в бисер». Документальная правда подтверждает и укореняет в реальности миф, который, в свою очередь, придает ей метафизическую глубину. «На другой день иду осматривать войска и позиции. Ходил, ходил – нет войск. Что за черт?». В мифопоэтических новеллах этот «черт» бытового языка называется своим подлинным мифическим именем.

Далее, после большой лакуны, содержащей неизвестный нам объем повествования, появляется заключительный текст «Олинрок Батыр» (Приморская жизнь. 1918. № 75. 23 ноября). Отрывок

начинается с того, что герой в сопровождении солдат и хунхузов приезжает в «храм колдунов», в монастырь, настоятелем которого является Святой Добчин, для участия в ритуале, названном «молебном». В ходе более чем ярко описанного ритуала, перенасыщенного символикой смерти, является дух Олинрока Батыра, антагониста Мангаса. Таким образом, события этой части новеллы зеркально повторяют события новеллы «Шаман». Имя богатыря представляет собой реверсив, написанную в обратном порядке фамилию «Корнило[в]». Далее Баир открывает свой особый статус: «Мы, посвященные, считаем Олинрок-Батыра нашим русским Героем». В устах персонажа-монгола такая фраза приковывает внимание, более того, это одна из «перекрестных ссылок» бяшковского повествования: с одной стороны, род русских царей – монгольского происхождения, с другой – монгольский посвященный говорит «наш русский герой».

Он сообщает о точной дате прихода героя: «Это двойное чередование двух самых священных чисел: 1 и 9. В 1919 году снова придет к нам, состав из тьмы веков, Олинрок-Батыр и защитит Родину от грозящей ей гибели».

После этого следует последнее сказание Баира. Материалом для повествования, несомненно, послужил миф о Гесере. Причиной воцарения Мангаса прямо назван обезумевший Алокин-Хан (реверсив «Никола[й]»). «Восстал народ, убил Алокин-Хана и лукавых приспешников его», говорится далее без оттенка сочувствия. Олинрок сопротивляется. «Долго думал коварный Мангас, как бы это ему победить посланника Неба и послал, наконец, на борьбу Клевету». В борьбе с Клеветой Олинрок погибает. Вновь, со всеми подробностями, разворачивается картина неисчислимых бедствий. Описывается торжество и царствование Мангаса. Наконец, Олинрок воскресает и вступает в битву с Мангасом. Вот как об этом повествуется: «На чудном белом, как снег, жеребце едет Олинрок Богатырь, всюду радостно встречают его исстрадавшиеся жители. Вековые споры, междоусобные споры и драки сами собой прекратились с появлением Белого всадника. Богатыри и Ханы выходили к нему навстречу и присоединялись к его все рас-

тущим и растущим войскам. <...> Неумолим и неуклонен Олинрок-Батыр – орудие Рока. Бешеными ударами, кровавыми битвами теснит он Мангаса. Не успело пройти лето, как вся Родина была освобождена от мангасовых шаек, и вскоре он сам был пойман и казнен. Так умер злой гений страны – Мангас, пораженный рукой и волей могучего Богатыря Олинрок-Батыра». Сквозь этническую экзотику описания проступают вполне современные тропы «генерал на белом коне» и «злой гений».

Последняя фраза текста принадлежит Баиру и также носит пророческий характер: «по гаданьям твоя судьба, Нойон, крепко связана с появлением Олинрок-Батыра. Запомни это».

В воскресенье, на следующий день после публикации заключительной новеллы, без подписи в газете была опубликована статья «Предсказание». По стилю и содержанию ее можно однозначно атрибутировать как принадлежащую перу Я. Бяшкова и играющую роль своеобразного эпилога. Автор снимает здесь все декоративные этнические маски и обращается к национальной, причем классической литературной традиции. Текст представляет собой публицистический комментарий к известному стихотворению М. Лермонтова «Настанет год, России черный год...». Автор прямо обращается к читателю: «До сих пор мы еще не уяснили себе, что звероподобного Ленина слева может свернуть лишь такой же звероподобный Ленин справа. Мы почему-то думаем, что величайшего злодея человечества может свергнуть „демократия“. Та самая „демократия“, которая разбилась на осколки от удара революции. Мы еще боимся диктатуры, как единоличной власти во имя самоспасения. Сама жизнь дала нам эту власть, известную с самой лучшей, самой блестящей, самой честной стороны! Всем известен герой этой власти, этот великолепный сын великой России. А между тем, темная масса уже подтачивает эту власть. Ну, что ж!». Под «героем власти» здесь подразумевается «новый Корнилов» – адмирал А.В. Колчак. Далее следует описание ужасов террора. «Учитесь повиноваться добрым, что бы не попасть под ярмо злых...», заканчивает Бяшков.

* * *

В повествовании Бяшкова присутствуют и пересекаются несколько пространственно-временных миров.

«Здесь-и-сейчас». Владивосток, время рассказчика и читателя. Место и время, когда Бяшков начинает свой рассказ, сожалея, что «под руками нет рукописей»; место и время, где он, видимо, от офицеров, служивших тогда в штабах войск, дислоцированных в окрестностях столицы, узнает «точно количество сил, стоявших около Петрограда и ожидавших приказа занять его» в дни так и не увенчавшегося успехом «выступления Керенского – Краснова»; место и время, из которого он обращается к читателю с яростным обличением и призывом новеллы «Предсказание».

«Много лет тому назад» в Монголии. Мирное время, когда по Монголии странствуют Бяшков, певец Баир, а также У. и их спутники. Разнообразные места, почти всегда указываемые достаточно точно, с географическими привязками и названиями, добавляют «документальности» рассказу. В то же время пространство, которое окружает персонажей, всегда повышено семиотично. Элегическое или романтическое, оно говорит, намекает, символически сообщает что-то герою и читателю.

Далее – хронотоп мифа. «Когда небесные звезды были искрами», пространство – земля в целом. Действующие персонажи безымянные, это сменяющие друг друга расы существ. Это место и время, когда предельные мировоззренческие максимумы могут быть произнесены и зафиксированы.

Следующий – хронотоп эпоса. Монголия, Алтай, «северо-запад» (то есть Россия). Здесь действуют конкретные эпические правители: стоящий у истоков эпического времени Богдо Чингис-Хан и у его завершения Хан Галан-Бошикту. В этом же времени («почти тысячу лет назад»), размещаются безумный Алокин-Хан, а также умирающий и воскресающий избавитель – Олинрок-Батыр.

«Недавнее прошлое» (1917 год), фронт и Петроград. Впервые этот хронотоп проявляется в предисловии к «Шаману», где alter ego автора погибает «при защите Зимнего дворца». Затем этому, подчеркнута нефантастичному пространству, по-

священы две части «Записок офицера». Наконец, эта реальность, как ужасная возможность, рисуется в эпилоге. Все они для Бяшкова маркированы разбитыми головами: «пал с разможенной головой» (У.), «кожа с черепа висела у него ниже лица» (Макаревич), «кровь, куски мозга, трупы, вот что я встретил в Петрограде» (октябрь 1917 г.), «получайте такого, который мозги ваши размажет по забору» («Предсказание»).

В.Н. Топоров в своей выдающейся книге об «Энеиде» Вергилия писал о жанрах, воплощающих «разлитую по всему тексту Энеиды стихию знаковости», как то: о «прорицаниях-предсказаниях, сновидениях, явлениях-видениях, когда объект восприятия бодрствует, гаданиях, указаниях, относящихся к настоящему и не являющихся предсказаниями и т. п.». Перечислив их, он отметил, что «очень существенно, что все эти многообразные типы знаков, оповещающие о „голосе“ судьбы и исходящие от разных субъектов, в целом тяготеют к вхождению в некую более или менее единую систему, которая разворачивается в своего рода „текст судьбы“» (Топоров, 1993. С. 127).

В повествовании Бяшкова «текст судьбы» присутствует именно так, более того он гипостазирован в «Книге Рока», к которой обращается владыка мертвых Хан Хормузда-Тенгрий, когда нуждается в перспективном знании. Именно система пророчеств, «Книга Рока», и является подлинным каркасом и организующей силой бяшковского повествования, которое без нее рассыпалось бы хаотичным набором декоративных «фовистских» зарисовок и гневных публицистических филиппик.

Различные типы знаков, оповещающие о «голосе» судьбы, присутствуют в каждой части повествования. Миф первой новеллы завершается словами, возвещающими грядущее возвращение титанов. Эпос о Чингис-Хане финалом имеет пророчество о крушении и восстановлении ханского рода и власти. Письмо У. все посвящено пророчеству, исторгаемому демонической сущностью. Эпос о племени Номтэ вроде бы не содержит пророчеств; однако читателю ясно, что это перспектива, лишь маскирующаяся под ретроспективу, что это иносказательно выраженная возможность дальнейших

исторических событий. Две части «Записок офицера», на первый взгляд, безукоризненно реалистичны, но, читаемые через призму предшествующих текстов, они выглядят как реализация в действительности древних пророчеств: одержимые духами безумия озверевшие толпы в первой части, бесильные и безвольные попытки сопротивления во второй. «Олинрок Батыр» содержит целых два пророческих текста: предсказание Баира о «втором пришествии» Олинрока с указанием точной даты и предание, подробно разворачивающее картины его победы, развязка, своего рода «апокалипсис» бяшковского повествования. Наконец, финальная статья «Предсказание» построена на комментарии к профетическому тексту хрестоматийного поэта, чья способность к прозрению должна гарантировать такую же способность автора текста.

* * *

Яркая образность, усложненная структура, многократные повторения и самоцитаты, изложение реалий актуальной политики языком архаического мифа позволяли сделать то, чего невозможно было добиться, используя рациональный дискурс Нового времени. Реакционные идеи обретали звучание и убедительность. Соединение гностицизма с ницшеанством, осуждения террора с его же воспеванием, военной диктатуры с восстановлением божественного рода правителей звучали как вполне перспективные для белого движения идеологии.

В мистико-политическом романе Бяшкова нашел свое выражение комплекс идейных мотивов, имевших разный статус в контрреволюционной идеологии и пропаганде.

Например, ряд мотивов имел на тот момент почти повсеместное распространение, составляя «среднее арифметическое» контрреволюционного мировоззрения образца осени 1918 года. Это, так сказать, «три отрицания и одно утверждение»: расчеловеченный, звероподобный образ большевистского врага; критическое, негативное отношение к фигуре Николая II; критика революционной демократии и, наконец, вождизм, утвержденный в

качестве единственного и безальтернативного позитивного политического принципа.

Наряду с этим, в творчестве Бяшкова проявляются мотивы, которые обретут распространение лишь на значительно более поздних стадиях эволюции антибольшевистской идеологии: восприятие большевизма как inferнального начала, оценка интервентов не как «союзников», а как угрозы национальному существованию, критика демократии в любой ее версии, отвержение теории прогресса, преклонение перед «мудростью Азии», провозглашение мистического единства России и Монголии, вера в восстановление специфически преображенной монархии.

Библиографический список

130 лет со дня рождения профессора Валентина Александровича Рязановского // Вестник гражданского процесса. 2014. № 1. С. 282–292.

Агурский М. Идеология национал-большевизма. Paris: YMCA-Press, 1980. 320 с.

Агурский М.С. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003. 316 с.

Амосов С. Забытые идеи профессора Рязановского // Правосудие в Восточной Сибири. 2003. № 2–3 (10–11). С. 73–74.

Базаров В.Б. Российская политика в отношении Монголии в начале XX в. // Власть. 2017. № 9. С. 158–163.

Базаров В.Б. Российско-китайские отношения в первой четверти XX в.: монгольский вопрос // Власть. 2015. № 7. С. 149–153.

Батунаев Э.В. От провозглашения независимости Монголии до формирования Кяхтинской тройственной системы 1911–1915 гг. // Известия Восточного института. 2015. № 3 (27). С. 57–63.

Белов Е.А. Барон Унгern фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921 гг. М.: Аграф, 2003. 240 с.

Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма / отв. ред. И.Я. Златкин. М.: Наука, Глав. ред. восточн. лит.-ры, 1969. 420 с.

Гейне Г. Атта Троль. Сон в летнюю ночь / перевод Н.П. Карпа; изд. подг. Н.А. Жирмунская, П.М. Карп. Л.: Наука, Ленинградск. отд., 1978. 160 с. (Литературные памятники).

Грубов В.И. Конспект флоры Монгольской Народной Республики. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1955. 307 с.

Дудин П.Н. История международных договоров,

в ходе унгерновской эпопеи 1920–1921 годов, в дитерихсовском «приамурском проекте», в эмигрантском евразийстве эти идеи будут использованы, а некоторые из них выдвинуты на первый план.

Я.В. Бяшков предстает как особая фигура в идеологическом поле «белого» движения, как автор, искавший метафизические основания контрреволюционного мировоззрения. Релевантные на тот момент, эти фундаментальные идеологемы смогли надолго пережить колчаковский политический режим, обосновать оформление которого с несомненным талантом пытался Яков Бяшков.

References

(2014) 130th Birth Anniversary of Professor Valentin Aleksandrovich Ryazanovsky. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa* = Bulletin of civil proceedings. No. 1. P. 282–292. (In Russ.)

Agurskii M. (1980) The ideology of national bolshevism. Paris: YMCA-Press. 320 p. (In Russ.)

Agurskii M.S. (2003) The ideology of national bolshevism. Moscow: Algoritm. 316 p. (In Russ.)

Amosov S. (2003) Forgotten ideas of professor Ryazanovsky. *Pravosudie v Vostochnoi Sibiri* = Justice in Eastern Siberia. No. 2–3 (10–11). P. 73–74. (In Russ.)

Bazarov V.B. (2017) Russian policy towards Mongolia at the beginning of the 20th century. *Vlast' = Power*. No. 9. P. 158–163. (In Russ.)

Bazarov V.B. (2015) Russian-Chinese relations in the first quarter of the twentieth century: the Mongolian question. *Vlast' = Power*. No. 7. P. 149–153. (In Russ.)

Batunaev E.V. (2015) From the Declaration of Independence of Mongolia to the formation of the Kyakhta tripartite system of 1911–1915. *Izvestiya Vostochnogo instituta* = News of the Oriental Institute. No. 3 (27). P. 57–63. (In Russ.)

Belov E.A. (2003) Baron Ungern von Sternberg: Biography. Ideology. Military campaigns. 1920–1921. Moscow: Agraf. 240 p. (In Russ.)

Burdukov A.V. (1969) In the old and new Mongolia. *Memories. Letters*. Moscow: Nauka. 420 p. (In Russ.)

Geine G. (1978) Atta Troll. A dream in a summer night. Leningrad: Nauka. 160 p. (Literary Monuments). (In Russ.)

Grubov V.I. (1955) Abstract of the flora of the Mongolian People's Republic. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. 307 p. (In Russ.)

Dudin P.N. (2011) The history of international treaties

закрепляющих статус Монголии в начале XX в. (1911–1924 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 7. С. 162–165.

Елихина Ю.И. Некоторые находки из монастыря Сарьдаг, хранящиеся в Государственном Эрмитаже // Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов: материалы III Международной научной конференции. 20–22 апреля 2017 г. Санкт-Петербург, Россия. СПб.; Улан-Батор, 2019. С. 65–72.

Журавлев В.В. «Обзор законодательной деятельности государственной власти в Сибири» В.А. Рязановского как источник по истории политической адаптации к контрреволюционным режимам // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Новосибирск, 2014. Вып. 5. С. 114–131.

Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.

Кенез П. Идеология белого движения // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 94–105.

Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образ императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 664 с.

Криничная Н.А. Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий // Предания Русского Севера / изд. подг. Н.А. Криничная. СПб., 1991. 325 с.

Крушанов А.И. Победа Советской власти на Дальнем Востоке и в Забайкалье (1917 – апрель 1918 г.). Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1983. 230 с.

Крюков В.М. Александр Адрианов: последние годы. Томск: Изд-во научно-технической литературы, 2004. 75 с.

Кузьмин С.Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. 659 с.

Ларьков Н.С. Политическая деятельность А.В. Адрианова в годы Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1 (21). С. 88–96.

Муратов Х.И. Революционное движение в русской армии в 1917 году. М.: Военное издательство, 1958. 390 с.

Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 568 с.

Побединский В.Н., Остроух Д.Е. Проблема культурных влияний монголов на средневековое право Мос-

securing the status of Mongolia in the early 20th century. (1911–1924). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Buryat State University. No. 7. P. 162–165. (In Russ.)

Elikhina Yu.I. (2019) Some finds from the Sardag Monastery stored in the State Hermitage Museum. / *Kul'turnoe nasledie mongolov: kollektsii rukopisei i arkhivnykh dokumentov. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsi* = Mongolian cultural heritage: collections of manuscripts and archival documents. April 20–22, 2017. Saint Petersburg, Russia. St. Petersburg; Ulan-Bator. P. 65–72. (In Russ.)

Zhuravlev V.V. (2014) V.A. Ryazanovsky's "Review of the State Power Legislation in Siberia" as a source on the history of political adaptation to counterrevolutionary regimes. *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke. Sbornik nauchnykh statei* = Power and Society in Siberia in the 20th century. Collection of scientific articles. Novosibirsk. Iss. 5. P. 114–131. (In Russ.)

Zorin A. (2001) Feeding the double-headed eagle... Russian literature and state ideology in the last third of the 18th – the first third of the 19th century. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 416 p. (In Russ.)

Kenez P. (1994) The Ideology of the White Movement. *Grzhdanskaya voina v Rossii: perekrestok mnenii* = Civil War in Russia: crossroads of opinions. Moscow. P. 94–105. (In Russ.)

Kolonitskii B.I. (2010) "Tragic Erotica": The image of the imperial family during the First World War. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 664 p. (In Russ.)

Krinichnaya N.A. (1991) Index of types, motives, and basic elements of legends. *Predaniya Russkogo Severa* = Legends of the Russian North. St. Petersburg. 325 p. (In Russ.)

Krushanov A.I. (1983) The victory of Soviet Power in the Far East and in Transbaikalia (1917 – April 1918). Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo. 230 p. (In Russ.)

Kryukov V.M. (2004) Alexander Andrianov: recent years. Tomsk: Izd-vo nauchno-tekhnicheskoi literatury. 75 p. (In Russ.)

Kuz'min S.L. (2011). History of Baron Ungern : the Experience of Reconstruction. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK. 659 p. (In Russ.)

Lar'kov N.S. (2013) Political activity of A.V. Adrianov during the Civil War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* = Bulletin of Tomsk State University. History. No. 1 (21). P. 88–96. (In Russ.)

Muratov Kh.I. (1958) The revolutionary movement in the Russian Army in 1917. Moscow: Voennoe izdatel'stvo. 390 p. (In Russ.)

Nol'te E. (2001) Fascism in its era. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. 568 p. (In Russ.)

Pobedinskii V.N., Ostroukh D.E. (2011) The problem of the cultural influences of the Mongols on the Medieval law

ковской Руси: евразийцы и В.А. Рязановский // Вопросы культурологии. 2011. № 2. С. 16–21.

Робинсон П. Невольники чести: мужественность на поле боя в начале XX века // О муже(N)ственности: Сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 718 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный Запас»).

Романовский В.К. Деятельность Н.В. Устрялова в белой Сибири в 1919 году // Известия вузов. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. Т. 6. Вып. 4. С. 288–292.

Романовский В.К. Жизненный путь и творчество Николая Васильевича Устрялова (1890–1937). М.: Русское слово – РС, 2006. 608 с.

Романовский В.К. К дискуссии о внешней ориентации в кадетской партии после Брестского мира: политика «открытых рук» Н.В. Устрялова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2019. № 1. С. 91–96.

Романовский В.К. Николай Устрялов: от либерализма к консерватизму. Нижний Новгород, 2010. 462 с.

Серебренникова Т.П. Публицистика А.В. Адрианова на страницах газеты «Сибирская жизнь» в период революции 1917 г. и гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 46. С. 39–46.

Симонов Д.Г. К вопросу о причинах поражения армии адмирала А.В. Колчака (июнь – декабрь 1919 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. науч. ст. Вып. 4. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 115–139.

Симонович-Ефимова Н.Я. Воспоминания о Валентине Александровиче Серове / общ. ред. и прим. Г.С. Арбузова. Л.: Художник РСФСР, 1964. 186 с.

Топоров В.Н. Эней – человек судьбы. К средиземноморской персонологии. М.: Радикс, 1993. 208 с.

Устрялов Н.В. Белый Омск. Дневник колчаковца / подготовка текста, предисл. и коммент. А.В. Смолина // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. СПб.: Logos, 1991. № 2. С. 283–338.

Хандорин В.Г. Идеино-политическая эволюция правого крыла сибирских кадетов в период революции и Гражданской войны (по материалам публицистики В.А. Жардецкого) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 85–91.

Хисамутдинов А.А. Профессор юриспруденции и востоковед Валентин Рязановский // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 2. С. 25–29.

of Moscow Russia: Eurasianists and V.A. Ryazanovsky. *Voprosy kul'turologi* = Questions of Cultural Studies. No. 2. P. 16–21. (In Russ.)

Robinson P. (2002) Slaves of honor: masculinity on the battlefield at the beginning of the twentieth century. *O muzhe(N)stvennosti: Sb. st.* = About masculinity/femininity. Collection of articles. Moscow: Noveoe literaturnoe obozrenie. 718 p. (Ser. Library of journal “Neprikosnovennyj Zapas”). (In Russ.)

Romanovskii V.K. (2015) N.V. Ustryalov's activity in white Siberia in 1919. *Izvestiya vuzov. Ser.: Gumanitarnye nauki* = News of Higher Educational Institutions. Ser. Humanities. Vol. 6. Iss. 4. P. 288–292. (In Russ.)

Romanovskii V.K. (2006) Life journey and creative work of Nikolay Vasilyevich Ustryalov (1890–1937). Moscow: Russkoe slovo – RS. 608 p. (In Russ.)

Romanovskii V.K. (2019) To the discussion of external orientation in the cadet party after the Brest Peace: the policy of “open hands” N.V. Ustryalova. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* = Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology. No. 1. P. 91–96. (In Russ.)

Romanovskii V.K. (2010) Nikolay Ustryalov: From Liberalism to Conservatism. Nizhnii Novgorod. 462 p. (In Russ.)

Serebrennikova T.P. (2017) Journalism of A.V. Adrianov on the pages of the newspaper “Sibirskaya zhizn” during the revolution of 1917 and the Civil War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* = Bulletin of Tomsk State University. History. No. 46. P. 39–46. (In Russ.)

Simonov D.G. (2013) To a question about the reasons for the defeat of the army of Admiral A.V. Kolchak (June – December 1919). *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke. Sb. nauch. st.* = Power and Society in Siberia in the 20th century. Collection of scientific articles. Iss. 4. Novosibirsk: Parallel'. P. 115–139. (In Russ.)

Simonovich-Efimova N.Ya. (1964) Memories of Valentin Aleksandrovich Serov. Leningrad: Khudozhnik RSFSR. 186 p. (In Russ.)

Toporov V.N. (1993) Aeneas – a man of destiny (to the “Mediterranean” personology). Moscow: Radiks. 208 p (In Russ.)

Ustryalov N.V. (1991) White Omsk. The diary of Kolchakist. *Russkoe proshloe: Istoriko-dokumental'nyi al'manakh* = Russian past: Historical and documentary almanac. St. Petersburg: Logos. No. 2. P. 283–338. (In Russ.)

Khadorin V.G. (2010) The ideological and political evolution of the Right Wing of the Siberian cadets during the period of revolution and Civil War (based on journalism materials by V.A. Zhardetsky) = Bulletin of Tomsk State University. No. 339. P. 85–91. (In Russ.)

Khislamutdinov A.A. (2003) Professor of Law and Orientalist Valentin Ryazanovsky. *Problemy Dal'nego Vostoka* = Problems of the Far East. No. 2. P. 25–29. (In Russ.)

Шереметьева Д.Л. Изменить страну, не изменяя себе: Публицистика А.В. Адрианова в условиях революции и Гражданской войны // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века. Сб. ст. Новосибирск, 2015. С. 65–99.

Шиловский М.В. Когда мир рушился. А.В. Адрианов (1854–1920) // Шиловский М.В. Судьбы, связанные с Сибирью: биографические очерки. Новосибирск, 2007. С. 17–33.

Юзефович Л.А. Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга). М.: Эллис Лак, 1993. 272 с.

Юзефович Л.А. Самодержец пустыни. Барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 588 [4] с.

Юшников А.В. Влияние интеллигенции на формирование антибольшевистской идеологии в Сибири в годы гражданской войны (На примере публицистической деятельности И.И. Аносова) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5 (31). С. 38–42.

Kenez P. The Ideology of the White Movement // Soviet Studies. 1980, vol. 32, pp. 58–69.

Критерии авторства

В.В. Журавлев выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Журавлев Вадим Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, Россия, доцент кафедры отечественной истории Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, Россия, ✉ e-mail: vvzh@mail.ru

Sheremet'eva D.L. (2015) Change the country without changing yourself. Journalism of A.V. Adrianov in the Revolution and Civil War. *Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v pervoi treti XX veka. Sb. st.* = Political adaptation of the population of Siberia in the first third of the XX century. Collection of scientific articles. Novosibirsk. P. 65–99. (In Russ.)

Shilovskii M.V. (2007) When the world collapsed. A.V. Adrianov (1854–1920). *Shilovskii M.V. Sud'by, svyazannye s Sibir'yu: biograficheskie ocherki* = Shilovsky M.V. Fates associated with Siberia: biographical essays. Novosibirsk. P. 17–33. (In Russ.)

Yuzefovich L.A. (1993) Autocrator of the desert (Phenomenon of the destiny of Baron R.F. Ungern-Sternberg. Moscow: Ellis Lak. 272 p. (In Russ.)

Yuzefovich L.A. (2019) Autocrator of the desert. Baron R.F. Ungern-Sternberg and the world in which he lived. Moscow: AST; Redaktsiya Eleny Shubinoi. 588 [4] p. (In Russ.)

Yushnikov A.V. (2014) The influence of the intelligentsia on the formation of anti-Bolshevik ideology in Siberia during the years of the Civil War (On the example of journalistic activity of I.I. Anosov). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* = Bulletin of Tomsk State University. History. No. 5 (31). P. 38–42. (In Russ.)

Kenez P. The Ideology of the White Movement // Soviet Studies. 1980, vol. 32, pp. 58–69.

Attribution criteria

V.V. Zhuravlev made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and documents for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Vadim V. Zhuravlev, Cand. Sci. (History), Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaeva street, Novosibirsk 630090, Russia, Associate Professor of the Department of Russian History in the Humanitarian Institute, Novosibirsk State University, 1 Pirogova street, Novosibirsk 630090, Russia, ✉ e-mail: vvzh@mail.ru